

Мысли Мильтиада лихорадочно метались, пока он выносил ребенка на улицу.

«Зачем я это сделал?»

Его тело двигалось само по себе, не думая о последствиях. Однако когда он пришел в себя, то, как ни странно, ни о чем не пожалел. Он лучше, чем кто-либо другой, знал, что старейшины поступят именно так.

Мильтиадес был не в восторге от удочерения. Он ни в коем случае не хотел быть связанным со Священной империей.

«Почему я?..»

Слезы на лице ребенка действовали ему на нервы гораздо сильнее, чем высокомерные старшие.

«Почему это меня беспокоило?»

Он сделал что-то, чего даже он не мог понять.

В этот момент ребенок на руках у Мильтиада улыбался, не обращая внимания на то, что он чувствовал.

«...»

Это была очень обременительная улыбка.

Мильтиадесу были незнакомы ее яркие глаза и улыбка, поэтому он поставил ее на землю и отвернулся.

Он хотел убежать, но ребенок последовал за ним.

Она, казалось, была сосредоточена на том, чтобы следовать за ним, и Мильтиадес бессознательно замедлил шаг, чтобы помочь ей не отставать.

— Ха-ха!

Мильтиадес посмотрел на смеющегося ребенка.

«Она моя дочь».

Его дочь, святая, к которой в Священной империи относились как к чудесному существу, копировала слова, сказанные им в зале заседаний.

«Она моя дочь!» — Ее веселое выражение лица и сжатые руки делали ее очаровательной. — «Она моя дочь~!»

Мильтиад не мог ее понять.

— Ты так счастлива?

Услышав его вопрос, она улыбнулась ему и кивнула. Она улыбалась так широко, что Мильтиадес тоже улыбнулся.

— Ты была такой крутым!

Он не знал, что сделало его крутым, но видеть ее возбуждение было не так уж плохо.

— Ты был самым крутым. Прямо как рыцарь на белом коне!

Ему многое нужно было исправить.

Он не был ее отцом, и он определенно не был тем добрым рыцарем, которого она себе представляла. Однако он, казалось, ничего не мог сказать.

— Папа!

Ребенок подбежал к нему, как будто он и вправду был ее настоящим отцом.

Он знал, что никогда не сможет должным образом обращаться со своими настоящими детьми.

Вот почему Мильтиад не понимал этого ребенка.

— Хе-хе! Папа!

Это был первый раз, когда ребенок смеялся над ним и любил его. Не имело смысла, что она доверяла ему, тем более что они встречались всего несколько раз.

«Неужели все дети такие?»

— Все в порядке, папочка.

Девочка подняла голову, и ее пухлые щечки покраснели.

У нее была милая и очаровательная улыбка.

— Я не буду вас беспокоить. Я также не буду закатывать истерику. Я никогда не позволю вам пожалеть о том, что вы выбрали меня своей дочерью.

Казалось, она объясняла, насколько она полезна. Мильтиадес внезапно почувствовал, что его настроение упало.

— Что?

Он не хотел, чтобы она чувствовала себя неловко.

Он некоторое время смотрел на девочку сверху вниз, и она начала беспокоиться.

«Она боялась, что ее не выберут?»

Мильтиадес опустил девочку на землю и постучал ее по лбу.

— Не беспокойся о таких вещах.

Девочка потерла лоб и ухмыльнулась.

— Хорошо!

Он никогда не думал о том, чтобы стать отцом, но...

«Иметь одного не кажется таким уж плохим делом».

Мильтиадес посмотрел на улыбающегося ребенка, не зная, что на его шею надели ошейник.

* * *

Несмотря на переполох, усыновление и переезд в Северную империю прошли гладко.

Сначала мне нужно было сделать кое-что более важное.

— Это здесь?

Я должна была выбрать своего рыцаря-хранителя.

— Да, общежитие для паладинов здесь.

— Ух ты, я здесь в первый раз.

В воздухе здесь царила странная атмосфера, как и было описано в романе.

— Святая! — Бенджамин вышел поприветствовать меня перед общежитием. — Зачем вы сюда прибыли?

— Святая здесь, чтобы выбрать одного из рыцарей.

Ответ раздался у меня за спиной.

Глаза Бенджамина расширились при словах Лусианы.

Да, причина, по которой я была здесь, заключалась в том, чтобы выбрать рыцаря, который будет охранять меня.

— Я хочу видеть Людвига.

— Я позову его прямо сейчас.

Обычно святые ничего не могли взять из храма, когда их усыновляли, но это было исключением.

Особенно потому, что я собиралась в императорскую семью!

Поскольку мое удочерение было особым случаем, я могла выбрать одного из паладинов в качестве своего рыцаря-хранителя.

«Он, вероятно, будет там, чтобы присматривать за мной».

Я отказалась от всех рыцарей, которых сенат и папа выбрали для меня. Я хотела выбрать его сама. И человек, которого я выбрала, был одним из единственных рыцарей, которым я могла доверять в этом храме.

«Людвиг из Священного меча».

Людвиг был честен и не примыкал ни к какой фракции. Он был несчастливым гением, который был предан только своей вере. Поскольку он не состоял во фракции, ему приходилось выполнять много случайных работ. Присцилла нашла его, когда он приехал в Ватикан, и сделала своим опекуном.

«Он был верен Присцилле до самой смерти».

Людвиг умер за Присциллу.

«Я не позволю ему умереть».

Я ждала, когда придет Людвиг, когда это наконец, случилось.

— О, я не могу поверить, что увижу этого человека.

Я замерла, когда услышала очаровательный низкий голос, обращенный ко мне.

«Этот голос...»

Я быстро повернулась в сторону и увидела мужчину, стоящего рядом со мной.

«У меня неприятности. Почему герцог Рейвенхук здесь?!»

Бездельник-отец Присциллы был здесь.

<http://tl.rulate.ru/book/40436/1220140>